

*Посвящается
Джанне Сильверштейн*

ГЛАВА

1

Лун пробыл консортом Нефриты — королевы-сестры Тумана Индиго — уже одиннадцать дней, и за это время никто не пытался его убить. Он считал, что пока все идет неплохо.

На двенадцатый день, когда Лун вышел на палубу «Валендеры», рассветные лучи солнца только начинали пробиваться сквозь облака. Воздух был влажным, приятно прохладным, и его наполняли запахи дремучего зеленого леса, над которым пролетал корабль. Время было совсем раннее, и палубу все еще занимали

спящие, зарывшиеся под одеяла или привалившиеся к корзинам и сумкам, в которых хранились все пожитки двора. Ближе к носу, где стояли часовые, кто-то ворочался. Похожие на веера паруса на центральной мачте еще были сложены. Второй корабль, «Индала», парил чуть впереди по правому борту, задавая им скорость движения.

Лун услышал, как кто-то, спотыкаясь, поднимается по узкой лестнице из трюма. Затем из люка вылез Звон. Он прищурился, глядя на рассветное небо, и сказал:

— О, замечательно. Еще один чудесный день, который мы проведем на этом летучем орудии пыток.

Лун уже много дней выслушивал одно и то же в различных вариациях. Раксура не были приспособлены к жизни на летучих кораблях — это уже все поняли, — но другого способа переместить весь двор в новую колонию просто не существовало.

Двор Тумана Индиго начал приходить в упадок задолго до появления Луна. Они пережили вспышки болезней, нападения хищников и пагубное влияние Сквернов, из-за которого у них стало рождаться меньше воинов. Когда Скверны напали и вынудили двор наконец оставить свою старую колонию, среди них оказалось недостаточно окрыленных, чтобы переместить остальных обычным способом. Все понимали, что им повезло, когда они смогли уговорить семью исследователей с Золотых островов позволить им за плату воспользоваться двумя летучими кораблями. Но несмотря на то что «Валендера» была больше двухсот шагов в длину, а «Индала» — ненамного меньше, места все равно хватало лишь для того, чтобы спать или сидеть. Хуже всего приходилось бескрылым арборам, привыкшим проводить дни на охоте, или ухаживая за садами, или занимаясь резьбой, плетением или кузнечным делом. Окрыленные,

когда им надоедала теснота, всегда могли подняться в воздух и полетать.

Лун сказал:

— Ты хочешь, чтобы я тебе что-то ответил, или мне просто постоять рядом?

— Ну да, да, я знаю, знаю. — Звон потер глаза и сердито уставился на светлеющее небо. Лун и Звон — оба были окрыленными ракса, но Звон был воином, а Лун — консортом. В земном облике они мало чем отличались: оба высокие и худые, оба с темно-бронзовой кожей, такой же, как у многих других ракса. У Луна были темные волосы и зеленые глаза, и он привык жить среди земных обитателей, притворяясь одним из них. Волосы Звона были мягкими, соломенного цвета, и ему никогда не приходилось жить за пределами сплоченного двора, хотя и у него имелась своя необычная проблема. Он прибавил: — Я просто жду не дождусь, когда мы доберемся до Пределов. Я прочел все старые летописи, но увидеть их своими глазами... Утес говорит, что мы уже почти на месте.

Утес уже три дня говорил, что они почти на месте, но представления Утеса о «почти» разительно отличались от представлений всех остальных. Лун лишь приподнял бровь. Звон вздохнул и сказал:

— Да знаю я, знаю.

Какое-то время они просто стояли. Звон продолжал ворчать себе под нос, а Лун наслаждался предрассветной тишиной. Все ракса, когда переставали жаловаться на условия жизни на кораблях, говорили лишь об одном — как они рады, что скоро окажутся в новой колонии. Дворы переезжали нечасто; Утес был единственным, кто помнил, как Туман Индиго переезжал в последний раз, а было это за многие циклы до того, как родились все остальные. Но Лун, много раз переходивший на новое место, никогда прежде не думал, что останется где-либо навсегда. Это пугало его, и он

Марта Уэллс

не мог даже притвориться, что разделяет энтузиазм остальных.

Лун почувствовал, что за ним кто-то следит. Кто-то недружелюбный. Он посмотрел на «Индалу» и увидел Потока, Дрейфа и двух других воинов, присевших на ограждении палубы и сверливших взглядами его и Звона. Все они были в облике раксура; зеленая чешуя Потока отражала утренний свет и сверкала голубыми отблесками. Грива шипов и гребней Потока чуть дрогнула, словно ему хотелось бросить Луну вызов.

Теперь, когда Лун стал консортом Нефриты, положению Потока в качестве любовника Жемчужины ничто не угрожало. Но это не означало, что они стали друзьями.

Вместо того чтобы зашипеть, Лун зевнул и со вкусом потянулся, пытаясь выглядеть заманчивой мишенью. Он переломал несколько костей, сражаясь со сквернорожденной королевой-полукровкой, но раксура исцелялись быстро, и он уже почти восстановился. Впрочем, его тело все еще порой ломало, в особенности по утрам. Несколько дней назад все наставники согласились, что Лун уже достаточно поправился, чтобы встать с постели, и вернули ему одежду. Темная рубаша и штаны, которые он получил, когда впервые пришел в колонию, чуть пообтрепались, но были выстираны от грязи и засохшей крови. С тех пор он уже несколько раз перевоплощался и немного полетал вокруг кораблей, но сильно себя не нагружал. А драка с Потокком, в ходе которой он избил бы воина до бесчувствия и вышвырнул бы его с «Индалы», могла стать хорошей проверкой того, насколько Лун действительно здоров.

Но Поток не поддался, а лишь презрительно махнул хвостом и отвел взгляд.

— На что это они там смотрят? — сказал Звон, но его взгляд был направлен на нос «Валендеры», и он не

заметил Потока с его прихвостнями. В середине корабля Крестец — глава касты охотников — и несколько других арборов стояли у борта и смотрели на что-то внизу. Звон стал пробираться по палубе, обходя спящих. Лун был рад отвлечься хоть на что-то и пошел за ним.

В земном облике все арборы были ниже окрыленных и крепче сложены. Крестец, несмотря на свой возраст, заметный по седым волосами и пепельному оттенку бронзовой кожи, все еще был мускулист и очень силен. Его шею окольцовывал старый бугристый шрам от зубов какой-то твари, чуть не откусившей ему голову.

Лун облокотился на борт рядом с ним. Все арборы внимательно принюхивались к воздуху.

— Что такое?

Крестец подтолкнул его локтем и указал.

— Вон там.

Они несколько дней летели над лесом, который становился все гуще и гуще. Все это время зеленые волны крон вздымались и опадали примерно в пятидесяти шагах под деревянными корпусами кораблей. Теперь же за мягко раскачивающимися верхушками перистых деревьев показалось обширное неглубокое озеро. Там паслось большое стадо мохнатых травоедов; они ели водоросли и цветущие растения, которые росли в воде. В животе у Луна заурчало — по пути им иногда удавалось поохотиться, но большую часть путешествия они питались таявшими запасами соленого мяса, сушеных фруктов и чахлах корешков. И Луну казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как он в последний раз охотился.

Уголки поджатых губ Крестца приподнялись в улыбке.

— Думаю, никто не откажется от свежего мяса.

Кто-то из арборов усмехнулся — Крестец явно преуменьшил.

Марта Уэллс

Лун ухватился за борт, подтянулся и присел на нем.
— Скажи остальным, — сказал он. Прыгнув в сторону от корабля, он в воздухе принял облик раксура и поймал крыльями ветер.

Лун медленно облетел озеро по кругу, играючи перенаправляя прохладный утренний ветер вдоль своих крыльев. Он разминал мышцы, желая убедиться, что достаточно здоров и может спикировать вниз и нырнуть. Лун не хотел первым обрушиться на стадо и решил оставить это право кому-нибудь другому.

Когда Лун в последний раз жил с себе подобными, он был еще ребенком, причем таким маленьким, что даже не знал, как назывался его народ и откуда они пришли. Лишь спустя множество лет скитаний по Трем Мирам Лун впервые оказался в обществе других оборотней. Он ничего не знал о раксура, не знал, что он был консортом — единственным плодовитым мужчиной среди окрыленных, рожденным, чтобы найти себе королеву и вместе с ней производить на свет королевские выводки и бесплодных воинов ради процветания двора. Он долгое время странствовал от одного поселения земных обитателей к другому, старался ужиться с ними и найти место, где он смог бы осесть на всю жизнь. Но теперь ему предстояло попытаться влиться в общество себе подобных, где ему была отведена важная роль... и это пугало его. В глубине души Лун боялся, что он снова все испортит и двор решит изгнать его. И ведь он не просто так об этом думал — его уже изгоняли из множества разных мест по самым разным причинам.

К тому времени как Лун во второй раз облетел озеро, остальные, по-видимому, приняли решение остановиться и устроить полноценную охоту. Две лодки замедлились, почти замерев в воздухе, а затем сбросили швартовы. Арборы спустились вниз, чтобы при-

вязать их к высоким перистым деревьям. Все окрыленные воспользовались возможностью спрыгнуть с кораблей и пролететь над озером.

Обычно окрыленные, если они не улетали в путешествие далеко от колонии, не охотились сами — этим занимались охотники-арборы. Однако, судя по энтузиазму остальных, этот переезд точно считался путешествием вдаль от колонии. Окрыленные облетели озеро, сверкая голубой, зеленой, золотистой, коричневой и медно-красной чешуей. У всех на руках и ногах были когти, которые втягивались внутрь, длинные хвосты с плоской лопаткой на конце и гривы с шипами и гребнями, доходившие им до спины. У одного лишь Луна чешуя была черной — а такой она могла быть только у консортов, — но в утреннем свете на ней сверкали бронзовые отблески.

В обличье раксур арборы выглядели совсем как окрыленные, с одной лишь разницей — у них не было крыльев. Они спустились с кораблей по веревочным лестницам, чтобы разделить добычу на поросшем травой берегу озера. Обычно этим занимались охотники, но Лун видел, что к ним присоединились и арборы из других каст: учителя, солдаты и даже парочка молодых наставников — Душа и Толк — с радостью принялись за дело. Это лишь в очередной раз говорило о том, как сильно всех утомили долгое путешествие и теснота.

Еще один отряд арборов отправился за травоедами, сбежавшими под укрытие деревьев, а те, кто помоложе, стали копаться на мелководье, выискивая съедобные корешки. Хорошо, что всю работу можно было проделать на земле: в самом начале путешествия Ниран — земной обитатель, семье которого принадлежали оба летучих корабля, — категорически запретил им разделять добычу на палубах. Лун понимал, почему почти все деревянные части судов — от рей,

бортов и до мачт — теперь были покрыты следами когтей, и их рано или поздно пришлось бы заново шкурить.

Три воина заложили вираж и спикировали на стадо. Охота началась. Лун нашел Звона, совсем недавно начавшего охотиться самостоятельно, и проследил, чтобы тот успешно схватил первое животное. Затем Лун поймал небольшого травоеда для себя. Как и остальные окрыленные, они оттащили добычу в тростники, чтобы сразу же съесть, а потом поймать еще по одному травоеду — для двора. В тростниках они встретили Песню — молодую воительницу с медной чешуей. Она уже поедала свою добычу.

— Это была замечательная идея, — сказала она, проглотив кусок и сразу же откусывая следующий.

Закончив есть, Лун оставил Звона с Песней и заплыл подальше в озеро, чтобы смыть кровь с чешуи. Затем он поймал второго травоеда, намереваясь принести его арборам. Вытащив тушу на отмель, чтобы обескровить ее, он оглядел небо, проверяя, где остальные. Почти все окрыленные уже закончили охотиться, хотя Звон и еще несколько воинов до сих пор кружили над озером в поисках удобной добычи. Все стадо уже разбежалось — часть животных ускакала на другой конец берега, а часть — в лес.

Заметив ярко-голубой росчерк, Лун поднял глаза. Он думал, что это Звон спикировал на какое-нибудь животное, но это оказался не он. На отмель, выгнув крылья, опустилась Нефрита.

Она была королевой-сестрой Тумана Индиго и, как и все королевы раксура, не могла превращаться в земную обитательницу. Перевоплощаясь из крылатого облика в бескрылый, она становилась больше похожа на арбору. Чешуя Нефриты была голубой с серебристо-серым паутинчатым узором. Гребни и шипы на ее голове складывались в пышную гриву, доходившую ей до самого хвоста.

Нефрита легко приземлилась, зарывшись когтями в песок. Сложив крылья, она направилась к Луну, пробираясь через лилии. Он изменил свой облик, хотя все еще стоял в воде и промочил штаны ниже коленей. Кожа его земного обличья была чувствительнее, и ему нравилось касаться ею чешуи Нефриты.

Она обняла его за талию, и Лун расслабился, прижавшись к ней. Нефрита несильно куснула его за шею в ласковом приветствии и спросила:

— Тебе было не больно летать?

— Нет, плечо уже срослось. — Его мышцы, ослабшие от бездействия, немного ныли от того, что он наконец заставил их хорошенько поработать, но боль была приятной. Он уткнулся лицом ей в шею. — Спина тоже в порядке.

— Хотелось бы мне проверить это самой, — с теплотой в голосе проурчала Нефрита и прижалась щекой к его щеке. — Но у нас недостаточно времени.

Поросший мягкой травой берег действительно казался очень соблазнительным, но она была права — корабли должны были поскорее продолжить путь. За все время, проведенное на борту, у них не получалось остаться наедине из-за тесноты, да и Лун все еще восстанавливался после перелома крыла. Впрочем, теперь, когда у Тумана Индиго появились приемные птенцы — королева и два консорта из разрушенного двора Медного Неба, — необходимость в том, чтобы Нефрита срочно обзавелась потомством, отпала.

Песня, Корень и Звон подлетели к ним, закружили над их головами и прокричали, что пришло время отправляться в путь.

Позднее, вечером того же дня, Лун проснулся, когда по плоской крыше рулевой рубки «Валендеры» прошелся крепкий холодный ветер. Он принес с собой свежий запах дождя с горьким привкусом,